

ПЕРЕВОДЫ С ФРАНЦУЗСКОГО

УДК 94(3)

П. А. Парфентьев

ИВИ РАН

Москва, Россия

ФРАНКО-БУРГУНДСКОЕ ВОЙСКО В БИТВЕ ПРИ НИКОПОЛЕ ПО МАТЕРИАЛАМ «КНИГИ ДЕЯНИЙ» ЖАНА II ЛЕ МЕНГРА¹

Работа представляет публикацию перевода одной из глав рыцарской биографии, написанной в начале XV в. – «Книги деяний Жана II Ле Менгра, прозванного Бусико». Глава посвящена битве при Никополе – сражении, которое завершило крестовый поход короля Венгрии Сигизмунда Люксембурга в 1396 г. В тот день Войско крестоносцев потерпело поражение от сил османского султана Баязида I Молниеносного. Причины поражения христиан в историографии трактуются как результат деморализации крестоносцев, а также неспособности франко-бургундского рыцарства следовать более эффективному плану короля Венгрии, который, по мнению исследователей, мог их обеспечить. Автор «Книги деяний», напротив, доказывает, что франко-бургундское рыцарство было наиболее эффективной частью европейского войска, благодаря чему можно было одержать победу, если бы венгры не предали своих союзников

Ключевые слова: Жан II Ле Менгр; Сигизмунд I Люксембург; Баязид I Молниеносный; османы; рыцарство; битва при Никополе; крестовый поход 1396 г.

Сведения об авторе: Парфентьев Павел Андреевич, младший научный сотрудник, ИВИ РАН; 119334, Россия, г. Москва, Ленинский пр-т, 32а; pavelparfe@gmail.com

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 22-18-00481 «Межкультурные коммуникации в христианском Средиземноморье в условиях глобальных вызовов XIV–XV вв.: формы, динамика, результаты».

P. A. Parfentev

Institute of General History of the RAS
Moscow, Russia

**FRANCO-BURGUNDIAN ARMY IN THE BATTLE
OF NICOPOLIS: *THE BOOK OF THE DEEDS*
BY JEAN II LE MAINGRE**

This publication is a translation of one chapter from *The Books of the Deeds of Jean II Le Maingre, also called Boucicaut* – a knight's biography, written in the early 15th century. The chapter describes the Battle of Nicopolis, which was the last battle in the crusade of King Sigismund of Luxembourg in 1396. On that day, the Crusader Army was defeated by the forces of the Ottoman Sultan Bayezid I the Thunderbolt. The reasons for the defeat of Christians are interpreted in literature as demoralization of European knights, as well as inability of the Franco-Burgundian knighthood to follow the more effective plan of the Hungarian king, which, in their opinion, could dishonor them. The author of *The Book of the Deeds*, on the contrary, argues that the Franco-Burgundian knighthood was the most effective part of the European army which could have achieved victory had it not been for the treason of the Hungarians.

Key words: Jean II Le Maingre; Sigismund I of Luxembourg; Bayezid I the Thunderbolt; Ottomans; chivalry; Battle of Nicopolis; crusade; 1396

About the author: Parfentyev Pavel Andreevich, Junior Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow

XIV в. стал переломным для многих народов и государств Европы и Малой Азии. Византийская империя под натиском войск осман потеряла почти все свои территории на Балканах и в Анатолии. Для европейских государств это означало не просто поражение последнего христианского государства в Малой Азии, но и потерю доступа к традиционным торговым путям на Восток, а также появление угрозы для всей Восточной и Центральной Европы. Так, вторая половина XIV в. стала эпохой поздних крестовых походов, направленных против мусульман на Ближнем Востоке и в Северной Африке. В качестве примера можно привести Александрийский крестовый поход Пьера I де Лузиньяна (1358–1369) 1365 г. [1, с. 97] или франко-генуэзский крестовый поход против берберов в 1389 г. [4, р. 648–670]. Однако самым крупным и известным стал поход против османов, организованный в 1396 г. королем Венгрии Сигизмундом Люксембургом (1387–1437).

В походе приняли участие рыцари из Венгрии, Франции, Бургундии, Англии и Священной Римской империи. Участники крестового похода 1396 г. ставили перед собой разные цели. Поход был крайне важен для европейского рыцарства, нуждавшегося в средствах, которые можно было получить за счет грабежа и выкупа заложников. Рыцари готовы были брать в долг крупные средства ради возможности отправиться в экспедицию против осман [14, р. 81]. Франция и Англия заключили в 1396 г. перемирие, которое по замыслу королей Карла VI Валуа (1380–1422) и Ричарда II Плантагенета (1377–1399) должно было перерасти в длительный мир, скрепленный династическим браком. Таким образом, участие в походе войск Англии и Франции было продиктовано не только желанием бороться с врагами христианской веры, но и стремлением доказать высокую степень взаимного доверия королей друг другу [9, р. 36]. Сигизмунд же хотел обезопасить границы своих владений от постоянных набегов, нейтрализовать угрозу вторжения султана Баязида I Молниеносного (1389–1402), освободить Балканы от османского господства [8, р. 558, 560] и не дать османам взять Константинополь [13, р. 61]. Впрочем, ни одна из целей не была реализована: войско крестоносцев дошло до болгарского города Никополь, взяло его в осаду, однако спустя две недели было разбито подошедшими силами османов. Главной причиной поражения крестоносцев стала неспособность договориться о единой тактике действий, что привело к преждевременной атаке франко-бургундского рыцарства. Король Сигизмунд Люксембург не смог прийти на помощь союзникам и был вынужден отступить. Это привело к полному окружению и разгрому французских и бургундских рыцарей. После поражения под Никополем христианские государства Восточной Европы перешли к оборонительной борьбе с османами, а падение Византии было отсрочено лишь благодаря поражению Баязида под Анкарой в 1402 г. После победы над османами войска эмира Тимура рассредоточились по подконтрольным султану Баязиду территориям, разделив и ослабив на полвека молодое османское государство [3, р. 177; 7, р. 95–96].

Битва под Никополем подробно описана в нарративных источниках. Так, например, в «Хронике монахов из Сен-Дени» [5, р. 490–517], «Хронике Фруассара» [12, р. 312–318] и «Хронике Франкского королевства» [6, р. 135–137] ей посвящены целые главы. Их авторы пытались объяснить причины поражения крестоносцев в 1396 г. Так, монахи из Сен-Дени видели их в грехопадении христиан [5, р. 497–499], а Филипп де Мезьер, идеолог крестоносного движения и участник крестового по-

хода в Александрию 1365 г., отмечал изначально несерьезное отношение участников к походу, а также отсутствие дисциплины и порядка во французском войске [10, р. 489].

Все авторы хроник в той или иной степени возлагали вину за поражение крестоносцев на франко-бургундское рыцарство. И лишь один автор, напротив, пытался доказать, что благодаря именно этой части войска крестоносцы и могли бы одержать победу, если бы другие участники похода не бежали в разгар битвы. Эту точку зрения излагает автор «Книги деяний мессира Жана II Ле Менгра, прозванного Бусико» [11].

«Книга деяний» представляет собой рыцарскую биографию маршала Франции Жана II Ле Менгра (1366–1421) и описывает его жизнь с 1366 по 1409 г. Сочинение сохранилось только в одной рукописи [15, р. 1]. Автор биографии разделил текст на четыре книги: первая книга описывает период жизни Ле Менгра от его рождения до 1400 г., когда маршал вернулся во Францию из Константинополя, куда был направлен с целью защиты византийской столицы от османской осады. Вторая и третья книги описывают период пребывания Бусико в качестве губернатора в Генуе (1401–1409). Последняя, четвертая книга посвящена описанию рыцарских добродетелей, которыми обладал Ле Менгр и, к сожалению, ничего не сообщает о его жизни после изгнания из Италии. На основе материала «Книги деяний» можно исследовать историю Франции, Северной Италии и Византии конца XIV – начала XV в. Исследователи использовали «Книгу деяний» для изучения достаточно узкого круга тем: путешествие византийского императора Мануила II Палеолога в Европу [2] или для исследования битвы при Никополе. Также источник содержит много информации о политических процессах XIV–XV вв., а также о частных вопросах военной истории и особенностей французской рыцарской культуры.

Как сообщает автор сочинения, «Книга деяний» была написана по инициативе товарищей Бусико, чьи рассказы и легли в основу повествования о деяниях маршала Франции [15, р. 7–8], чтобы его жизнь послужила источником вдохновения для следующих поколений рыцарей. Возможно, сам Ле Менгр был причастен к созданию своей биографии. Этим может объясняться тот факт, что глава, повествующая о битве под Никополем, составлена столь комплиментарно по отношению к франко-бургундскому рыцарству, одним из лидеров которого был Бусико. Перевод главы об этом сражении, ставшем важной вехой в истории османского завоевания на Балканах в конце XIV – первой половине XV вв. мы и представляем ниже.

Глава 25. О жестокой¹ битве, которая была в Венгрии, в которой христиане сражались против турок²

Возвращаясь к предмету моего рассказа, когда король Венгрии и его войско прибыли к городу Никополю, он распорядился встать лагерь и начать приготовления [к осаде. – *П. П.*]. Две³ прекрасные мины⁴ были вырыты под землей, и вели прямо под стены города, и были настолько широкими, что три человека по ним могли идти в ряд. Так осада продолжалась около пятнадцати дней. В свою очередь, как мне кажется, турки не раздумывали [долго. – *П. П.*], они разработали грандиозный план⁵, чтобы очень быстро добраться до короля Венгрии; но делали это скрытно, так, чтобы король никак не мог об этом прознать; неизвестно, предали ли короля его разведчики, или были иные причины, например, недостаточно правильное рассредоточение людей, которые не смогли заметить приближение сарацин, из-за чего об их приближении ничего не было известно на пятнадцатый день от начала осады, и поэтому на их счет не было никаких подозрений.

Когда наступил шестнадцатый день, примерно во время обеда к королю пришли вести, что Баязид со своими турками в составе большой армии оказался так близко, что у короля совсем не оставалось времени призвать своих людей к оружию и отдать приказы войскам. Тогда король, получивший эти новости в своем шатре, встревожился и приказал войску вооружиться и выстроиться перед шатрами. Как известно, подобная новость может посеять панику; каждый вооружался настолько хорошо, насколько мог. Король же уже выехал в поле и рассказал графу Неверу, который был и во главе французов⁶, что турки очень близко, и что король приказывает всем всадникам выстроиться в поле, чтобы принять участие в битве. Сказанное расстроило графа Невера и французских сеньоров, которые были с ним, так как они слишком поздно узнали

¹ В оригинале упоминается слово «fierte», которое можно перевести как «гордый». Скорее всего в русском языке нет подходящего синонима.

² Перевод выполнен по *Le livre des fais du bon messier Jehan le Maingre, dit Bouciquaut, Mareschal de France et Gouverneur de Jennes / ed. D. Lalande. Genève: Librairie Droz, 1985. P. 102–113.*

³ Все числительные в источнике передаются римскими цифрами.

⁴ Минами называли подкопы под стены города. После достижения определенной глубины, балки, державшие своды прохода обрушались, в результате чего сегмент стены оседал. Это облегчало штурм данного участка укреплений для осаждающей стороны.

⁵ В оригинале используется слово «arrageil», т.е. аппарат. Вероятно, автор вкладывал в это слово не только последовательность действий, но и материальное оснащение для ее реализации.

⁶ Граф Невер был из Бургундии и по договоренности возглавлял и бургундскую, и французскую части войска.

о решении, принятом королем¹; но нет сомнений, что худшие события были еще впереди. Получив это известие, люди графа Невера подняли его знамя, и он сам со своими людьми поспешно вооружился; так, сев на лошадей и прекрасно соблюдая строй, они вышли к королю, который находился во главе уже готового к бою войска, и в дали напротив них уже можно было увидеть знамена врагов.

Тут выскажусь вопреки клеветникам, которые рассказывали, что наши люди бежали на битву без порядка, как животные, когда по десять, когда по двенадцать, когда по двадцать [человек. – *П. П.*], и что так они попадали в ловушку и умирали. По словам очевидцев, рассказывавших мне о битве, те, кто были наиболее известны своей доблестью и верностью, кто больше всего заслуживал доверия графа Невера и всех сеньоров Франции, вовремя подоспели к королю со всеми своими соратниками и заняли место в строю, таким образом, они сделали все настолько хорошо, насколько это было возможно; и знамя Нашей Дамы², которое французы приготовили к битве, при графе Невере нес мессир Жан де Вьен, адмирал Франции, чтобы все окружающие сохраняли доблесть, видя это знамя; и было сделано все, что сделать требовалось.

На другой стороне турки построили войска и организовали всадников, и задумали такую хитрость, чтобы обмануть наших людей: сперва большой корпус конных турок был построен в линию впереди пеших войск; позади конных войск, между каждым наездником и теми, кто шел пешком, они установили барьер с заостренными кольями, колья были наклонены в сторону наших людей прямо на высоте лошадиных животов. Они начали быстро устанавливать колья в то время, когда наши люди двинулись рысью и начали приближаться к турецким линиям. Когда сарацины увидели, что войско христиан близко, их кавалерия сообща, как единое облако, отступила за пехотинцев, которым было приказано построиться в две пехотные [боевые группы. – *П. П.*], разделенные достаточным пространством, в котором было около тридцати тысяч лучников³. Когда наши люди приблизились к ним, и когда они собирались ринуться в атаку, сарацины начали выпускать по ним стрелы настолько толстые и настолько быстрые, что даже градины или капли дождя не могли падать с неба столь тесно друг к другу, поэтому

¹ Из других французских хроник мы узнаем, что франко-бургундский контингент был недоволен тем, что король Сигизмунд Люксембург решил поставить кавалерию за спинами пехоты, которая должна была вступить в бой раньше кавалерии. Это противоречило рыцарскому кодексу чести, что серьезно оскорбило многих всадников, среди которых в большинстве было франко-бургундское войско.

² Имеется в виду Пресвятая Богородица.

³ Тридцати тысяч.

очень скоро множество людей и лошадей упали замертво. Когда венгры, о которых говорят, что они не рвутся в бой и не теснят своих врагов, а стреляют из луков, отступая на своих лошадях, увидели все то, что происходило в бою, многие из них испугались и бежали как трусы и дезертиры, какими они и являлись. Но храбрый маршал Франции Бусико, который скакал в глубине строя, а потому не видел ни трусости тех, кто бежал с поля боя позади, ни кольев, установленных перед ними спереди, решил сплотить своих людей: «Храбрые сеньоры, – сказал он, – что мы здесь делаем? Мы собираемся позволить себе застрять здесь как скот и умереть, ничего не сделав? Объединимся же скорее и бесстрашно помчимся на полном скаку чтобы избежать [выстрелов. – П. П.] их луков!» Следуя этому совету, граф Невер со всеми французами ударил в первые ряды сарацин; так они устремились к барьеру кольев, о котором было сказано. Он был таким крепким и острым как бритва, что пронзал животы лошадей, и многие из наших благородных людей были убиты и ранены, когда они падали со своих лошадей. Это стало испытанием для наших людей. Но они продолжали бороться, несмотря на все трудности и предательство венгров, да будут о нем помнить вечно. Они видели, что наши люди лишились своих скакунов и бились пешими, они также видели, что и эта беда, и град стрел не удержали их от сражения, и они знали о том, что наш Господь Бог также был оставлен однажды своими людьми, когда враги пленили его, и несмотря на все это венгры все равно бежали, и только один венгр из всех, известный как великий граф Венгрии, и его люди, и другие иноземцы, пришедшие из разных стран чтобы сражаться, ринулись в бой; но таких было немного по сравнению с числом бежавших. Но не думайте, что те, кто бились, тоже дрогнули – все они были как дикий кабан, угодивший в ловушку, который продолжает бороться, даже когда смерть близко, поэтому наши французы тоже решительно перебирались через заграждение из кольев со всей смелостью и стойкостью. Ха! Благородные французские воины! Не только сегодня ваши смелые победители показывают образец мужества и гордости перед всеми народами! Как легко им даются их достойные начинания, как они на протяжении всей истории участвовали в сражениях, когда все римские и другие истории свидетельствуют о великих делах французов и ни одна другая нация не показала себя более смелой или воинственной, более верной рыцарству, чем французы; и было немного сражений, где они потерпели поражение, кроме тех, где имело место предательство или плохое руководство. И еще, я осмелюсь сказать, что, когда они бездействуют, не ведя войн и сражаясь в битвах, это пагубно сказывается на них. Это печально, когда столь доблестные люди не в

состоянии воевать в такие времена без достойных полководцев, при которых они, храбры и воинственны, и способны на чудесные подвиги!

Итак, вернемся к моему рассказу, благородные французы были в ярости как от потерь, которые понесли их люди в ловушке сарацин, так и от тех, кто бежал и на [помощь – *П. П.*] которых надеялись такие премного благодетельные и смелые [рыцари – *П. П.*]. Поэтому мне не нужно описывать свирепость их атаки: ни дикий кабан с пеной во рту, ни один бешеный волк никогда не были такими безумными¹. Среди прочих доблестных людей маршал Бусико был наиболее самоотверженным; горе, которое он испытал, сделало его безрассудным, потому он действительно сражался настолько храбро, что все дивились этому. Но рассказывать о каждом ударе, который он наносил [врагам – *П. П.*], и как его били, и как он возвращался [в бой. – *П. П.*] было бы долго, и [тогда – *П. П.*] я бы использовал такие слова, какие ни один рассказчик не поместил бы в свои труды. Поэтому я попросту буду избегать этого, но, по правде говоря, на одной горе действительно сражалось столько людей, и столько их набегало, и так сильно им сопротивлялись, и столько вооруженных рыцарей билось [одновременно – *П. П.*], и не было еще рыцаря настолько доблестного и отважного, каким в тот день был он [Бусико – *П. П.*]. Также доблестно бился благородный граф Невер, командовавший добрыми французами, который сделал столько всего, что стал образцом для своих людей. Доблестный граф д'Э без устали теснил [врага. – *П. П.*] своими ударами взад и вперед. Так и благородные братья Бар, несмотря на свою молодость, бились там с большой доблестью. И граф Ла Марш, который был моложе их всех настолько, что еще не носил ни бороды, ни усов, сражался настолько уверенно, что это было всеми отмечено. Там был доблестный сеньор де Кузи, опытный рыцарь, который всю свою жизнь не снимал доспехов, и [сейчас – *П. П.*] проявил великую доблесть. Его мастерство, показанное там, было таким, что сарацины использовали против него большие медные булавы с шипами; но и тогда они заплатили большую цену, потому что он был настолько силен и вынослив, что наносил им такие удары, которые секли их всех. Рыцарственный адмирал Франции оставался с другой стороны [войска – *П. П.*], которая сделала не меньше [остальных – *П. П.*]. Сеньор Ла Тремуаль, который чудесным образом оставался образцом рыцаря, мужественным и благодетельным, постоянно заставлял сарацин падать наземь. Все они – бароны и известные

¹ В данном случае используется возвратный глагол *s' abandoner* – потерявшийся/забывшийся. Таким образом имеется в виду не негативная коннотация безумия, а потеря осторожности от ярости.

своей доблестью рыцари – сплотились и преисполнились храбрости, в слове и деле, как благородные юноши с Флер-де-Лис, сражавшиеся бок о бок не как дети, а как закаленные рыцари; и это было необходимо для них, потому что все время давление на них возрастало и делало [их – *П. П.*] толпой¹. Другие храбрые французские рыцари и оруженосцы справлялись [со своими задачами – *П. П.*] хорошо, как никто другой. Также справлялся великий граф Венгрии и все его [люди – *П. П.*], преисполненные стыда за некрасивое и постыдное бегство основной массы венгров. Еще много доблестных иностранцев там сражалось. Увы! Но чего им все это стоило? Горстка людей противостояла стольким тысячам! Их было так мало, что они могли сражаться не более чем с одной из групп [врагов – *П. П.*], о которых мы говорили выше, и даже тогда на троих [мусульман – *П. П.*] приходился один [француз – *П. П.*]. И все же, благодаря своей силе, доблести и храбрости, они выиграли эту первую баталию², где многие из них были убиты; и когда Баязид увидел это, он был очень поражен доблестью французов, и его большой конный строй не смел ожидать нападения наших людей и бежал с большой скоростью, пока ему [Баязиду – *П. П.*] не было указано, что французы были лишь небольшой группой людей, оставшейся без поддержки со стороны союзников, ведь король Венгрии со всеми своими людьми бежал и оставил их; и ему [Баязиду – *П. П.*] стало очень стыдно, что он бежал с такими большими силами перед натиском такой небольшой кучки людей.

Когда Баязид увидел это, то вернулся с большим количеством отдохнувших людей. И так [многочисленными и отдохнувшими – *П. П.*] они побежали к нашим людям, которые были раздавлены, убиты горем, утомлены и совсем не рассчитывали на чудо.

Когда добрый маршал увидел надвигающихся [врагов – *П. П.*] и что те, кто должен был помочь им [французам – *П. П.*] бежали, тогда он в окружении стольких врагов осознал, что невозможно что-либо противопоставить настолько большой силе, и что поражение для них было неминуемо. Тогда он, как и все остальные, пообещал себе, что дорого продаст свою смерть³. Он вонзил свои шпоры в лошадь и преисполнен-

¹ Имеется в виду то, что давление нарушало их строй.

² Используется конструкция «desconfirent y celle premiere bataille», что дословно переводится как «обратили в смятение там первую баталию». Баталия в данном контексте может переводиться и как «битва», и как «первая линия вражеского строя». Таким образом автор скорее всего подразумевает, что французы разрушили строй первых линий врага и заставили мусульман отступить, уступив место следующей группе врагов.

³ Используется словосочетание «celle chiennaille sa mort», что дословно переводится как «его настолько особаченную смерть». Данное выражение не имеет смыслового аналога на

ный добродетели бросился в самую гущу битвы, гордо орудуя в декстере и синистре¹ настолько сильно, что сокрушал все, что вставало на его пути. И от происходящего вокруг него устрашились даже самые смелые и начали отступать с его пути; тогда в него начали бросать дротики и мечи те, кто опасался приближаться к нему, а он защищался так доблестно, как умел. Если бы вы схватили его боевого коня², большого и сильного, облаченного в хорошие латы, который находился в гуще битвы, то после этого вы бы пали, выступив против него. И тем не менее, очевидцы, бывшие подле него, рассказывают совершенно чудесные вещи, о том, как он пробился вперед прямо через ряды сарацин, а затем вернулся обратно к своим товарищам. О, Господь! Какое рыцарство! Господь, храни его добродетель! Как было обидно, когда оно погибало! Но это случилось еще не со всеми, ибо Бог защищал от этого. Так наши люди сражались, до тех пор, пока битва не кончилась. Какое мученичество претерпела та благородная компания, настолько проверенные люди, такое рыцарство, невероятно умелое в обращении с оружием, которые не могли получить никакой помощи извне и находились в челюсти врага как железо между молотом и наковальней! Потому что более двадцати сарацин приходилось на [одного – П. П.] христианина. И все же наши воины убили двадцать тысяч врагов, но в конце концов силы их оставили. О! Какой урон и какое мученичество! Разве не должно повесить тех предавших [их – П. П.] христиан, которые так ошибочно преждевременно бросили их? Пусть им будет стыдно! Ибо если бы они помогли французам и их товарищам, не осталось бы никакого Баязида и никаких турок, не было бы убитых и ограбленных, что было бы благословением для всего христианского мира. Так этими собаками [сарацинами – П. П.] было убито значительное число христиан, и баронов, и сеньор Куси, [смертью которого – П. П.] был нанесен большой урон, поскольку он был доблестным, мудрым и опытным рыцарем; а также [были убиты – П. П.] адмирал и многие другие. Но наши сеньоры [благородной – П. П.] крови Франции и большая часть доблестно сопротивлявшихся баронов, рыцарей и оруженосцев были взяты в плен. Среди

русском языке, т.к. выражение «собачья смерть» означает «позорную смерть», в то время как смерть в бою для французского рыцарства считалась достойной. Впрочем, собака и не являлась для них символом доблести или достоинства. Потому вероятно наиболее вероятный перевод будет выглядеть как «мученическая» или «верная смерть».

¹Используются термины «a dextre et a senestre». Термины изначально использовались для обучения фехтованию, обозначая правую и левую сторону или руку. Таким образом, вероятно, автор имел в виду удары «направо и налево» или использование и оружия, и щита против врага.

²Используется термин «destrier». Так называли боевого рыцарского коня.

них был и маршал, считавший свою смерть неизбежностью, и желавший продать ее подороже, он наносил вокруг такое количество ударов, что никто не осмеливался подойти к нему, чтобы захватить [в плен – *П. П.*]; [он – *П. П.*] был подобен сильному льву, который ничего не боится, из-за чего многим было сложно [его победить – *П. П.*]. Многие сарацины отдали свои жизни, пытаясь его захватить; но в конце концов на него напало так много людей, что он не мог не потерпеть поражение, и его тоже взяли в плен.

Список литературы

1. Близнюк, С. В. Короли Кипра в эпоху крестовых походов / С. В. Близнюк. – СПб., 2014.
2. Васильев, А. А. Путешествие византийского императора Мануила II Палеолога по Западной Европе / А. А. Васильев // Журнал министерства народного просвещения. – 1912. – Т. 39. – С. 42–78; 260–304.
3. Chalkokondyles, L. The Histories. Vol. 1 / L. Chalkokondyles; transl. by A. Kaldellis. – London, 2014.
4. Chroniquedureligieuses de Saint-Denis. Vol. 1 / ed. by M. L. Belaguet. – Paris, 1840.
5. Chronique du religieux de Saint-Denis. Vol. 2 / ed. by M. L. Belaguet. – Paris, 1840.
6. Chronographiaregum Francorum. Vol. 3 / ed. by H. Moranville. – Paris, 1897.
7. Ducas. Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks / Ducas / transl. with notes by H. J. Magoulias. – Detroit, 1975.
8. Hlaváček, I. The Luxemburgs and Rupert of the Palatinate, 1347–1410 / I. Hlaváček // The New Cambridge Medieval History. Vol. 6. – Cambridge, 2008. – P. 551–570.
9. Housley, N. One Man and His Wars: The Depiction of Warfare by Marshal Boucicaut's Biographer / N. Housley // Journal of Medieval History. – 2003. – No. 29. – P. 27–40.
10. Jorga, N. Philippe de Mézières et la croisade au XIV siècle / N. Jorga / ed. by Émile Boullon. – Paris, 1896.
11. Le livre des faits du bon messier Jehan le Maingre, dit Bouciquaut, Mareschal de France et Gouverneur de Jennes / ed. by D. Lalande. – Genève, 1985.
12. Oeuvres de Froissart. Vol. 15 / ed. by J. Kervyn de Lettenhove. – Osnabruck, 1967.
13. Murešan, D. I. Une histoire de trois empereurs. Aspects des relations de Sigismond de Luxembourg avec Manuel II et Jean VIII Paleologue /

D. I. Murešan // Emperor Sigismund and the orthodox world. – Vienna, 2006. – P. 41–101.

14. Paviot, J. Noblesse et croisade à la fin du MoyenÂge / J. Paviot // Cahiers de recherchesmédiévales et humanistes. – 2006. – No. 13. – P. 69–84.

15. The Chivalric Biography of Boucicaut, Jean II Le Meingre / transl. with notes by C. and J. H. M. Taylors. – Woodbridge, 2016.